

ББК 63.442.12(253.3)

С.А. Ковалевский

К вопросу о происхождении ирменского предметного комплекса (по материалам погребально-поминальных памятников юга Западной Сибири)

S.A. Kovalevsky

To a Question on an Origin of Irmenskaya Culture Subject Complex (on Materials of Burial Monuments in the South-Western Siberia)

Выявлены механизмы взаимодействия населения культур Среднеенисейского региона (карасукской и лугавской), Казахстана и Кулунды (бегазыдандыбаевской и саргаринско-алексеевской) и лесостепного ирменского населения юга Западной Сибири. Названы основные точки зрения по данной проблематике. На основании анализа предметного комплекса ирменских памятников юга Западной Сибири, а также памятников сопредельных территорий был сделан вывод о том, что исследуемая территория в эпоху поздней бронзы выполняла роль контактной зоны между Казахстанским и Минусинским культурно-историческими центрами.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, ирменская культурно-историческая общность, карасукская культура, лугавская культура, бегазы-дандыбаевская культура, саргаринско-алексеевская культура.

В начале I тысячелетия до н.э. на территории лесостепных пространств юга Западной Сибири сложилась ирменская культурно-историческая общность. Общность ирменского населения различных территорий проявилась в сходных стандартах духовной и, как следствие, материальной культуры. Последнее фиксируется археологически. Это согласуется с выводами антрополога В.А. Дрёмова, установившего, что формирование населения западносибирской лесостепи в эпоху поздней бронзы происходило в результате смешения ранее изолированных групп и нивелирования расовых различий, существовавших между ними в предшествующее время [1, с. 162]. Вместе с тем территориальная дисперсия ирменского населения, различные субстратные компоненты, принявшие участие в культурогенезе, и инокультурные влияния предопределили локальную специфику ирменского населения различных территорий. Целью данной работы являются выявление и характеристика компонентов, на разных этапах принявших участие в формировании ирменской культурно-исторической общности. Источниковой базой стали данные анализа предметного комплекса из ирменских погребально-поминальных памятников юга Западной Сибири.

Given article have an aim to reveal mechanisms how interacts the population of the Middle Yenisei region cultures (Karasukskaya and Lugavskaya), Kazakhstan and Kulunda (Begazy-Dandybaevskaya and Sargarinsko-Alekseevskaya) and forest-steppe population belong to Irmenskaya culture of the South-Western Siberia. The basic points of view on the given problems have been named. Basing on the analysis of a subject complex of Irmenskaya culture monuments settled in the South-Western Siberia, and also monuments in territories near by the author draws a conclusion that during the epoch of Late Bronze the researched territory played a role of a contact zone between Kazakhstan and Minusinsk cultural and historical centers.

Key words: Late Bronze epoch, Irmenskaya cultural-historical generality, Karasukskaya cultura, Lugavskaya cultura, Begazy-Dandybaevskaya cultura, Sargarinsko-Alekseevskaya cultura.

Андронидный компонент. На рубеже эпох развитой и поздней бронзы территория Верхнего Приобья была занята населением андронидных еловской и корчажкинской культур. Сложившаяся в эпоху поздней бронзы на обширной территории юга Западной Сибири ирменская культурно-историческая общность наследовала некоторые традиции андронидных культур. Кроме того, барнаульскими исследователями доказан факт сосуществования и взаимодействия ирменского и корчажкинского населения на территории Верхнего Приобья [2, с. 137–158; 3, с. 69–81].

Анализируя состав сопроводительного инвентаря из курганов и погребений ирменской культурно-исторической общности, мы пришли к выводу, что многие предметы находят соответствия как в материалах андронидных культур Верхнего Приобья, так и сопредельных территорий. Широкое распространение в культурах эпохи поздней бронзы Центральной Азии и Южной Сибири получили следующие категории инвентаря: отдельные типы ножей; шилья; бляхи и бляшки с одной петелькой на обороте, гладкой поверхностью, без дополнительных деталей; бляхи и бляшки-нашивки с двумя отверстиями для крепления и гладкой поверхностью; бляшки с гладкой поверх-

ностью и со шпеньком для крепления на обороте; височные кольца; пронизки и бусы; проволочные и пластинчатые кольца; круглодонные небольшие столовые сосуды; плоскодонные горшки. Общими являются и отдельные геометрические и рельефные элементы и мотивы, использовавшиеся для украшения керамической посуды.

Вероятно, с традициями андронидных культур следует связывать появление у ирменского населения традиции изготовления браслетов с гладкой поверхностью без дополнительных деталей или с «шишечками» на концах; желобчатых (рифлёных) браслетов; трубчатых наконечников с гладкой поверхностью, в некоторых случаях украшенных бороздками по краям; отдельных типов бляшек; подвесок с окончанием в форме спирали. Андронидными по происхождению являются и отдельные орнаментальные мотивы на ирменских сосудах (простые и сложные зигзаги, гирлянды, фестоны, «жемчужины»). С андронидными традициями мы связываем появление ирменских ножей с уступом, отделяющим рукоять от лезвия, с плоской рукоятью и без наверхшия. Такие ножи были известны и на других территориях, но типичны именно для андронидных культур Верхнего Приобья [4, рис. 2.-11, 15; 5, рис. 2.-8; 6, рис. 9.-7; 16.-5, 10; 7, рис. 416.-1-10, 22, 23]. В ирменских комплексах ножи данного типа являются наиболее распространенными и встречены в абсолютном большинстве могильников. Этот тип ножей хорошо известен и на ирменских поселениях, таких как Ирмень-I и Еловское [8, табл. 10.-1, 7, 8; 9, рис. 1.-6].

Андронидным признаком на ирменских ножах являются прямые обушки, резко, под тупым углом, завершающиеся к лезвию. Наиболее ярко этот признак проявляется на ирменских ножах из могильников Журавлёво-I, Титово, ЕК-II, Иштан, Суртайка, Камышенка [10, рис. 9.-1; 11, рис. 6.-5; 12, рис. 7.-11; 13, рис. 2.-6; 14, рис. 7.-26; 15, рис. 3.-6]. Происхождение этого варианта оформления обушков связано с бронзолитейными традициями андронидных культур Верхнего Приобья (словской и корчажнинской), где подобный вариант оформления обушка встречен на ножах из могильников ЕК-II (еловский), Осинки и поселения Танай-IV [7, рис. 416.-2-4, 7, 8, 10; 5, рис. 2.-8; 16, рис. 1.-2].

С андронидным наследием, вероятно, следует связывать и изготовление небольших обоюдоострых ножей с плоской черешковой рукоятью, без наверхшия. Возможно, ножи этого типа восходят к кинжалам, известным в могильниках Осинки и ЕК-II (еловский) [5, рис. 2.-10; 7, рис. 416.-15-17, 18]. В ирменских могильниках известно три обоюдоострых ножа из могильников Сапогово-I и ЕК-II (ирменский) [17, рис. 27.-11; 12, рис. 8.-7; 10, 6]. Один экземпляр есть и в материалах поселения Фирсово-XVIII [18, рис. 13.-3].

Карасук-лугавский компонент. И лишь отдельные категории инвентаря в ирменских погребально-

поминальных комплексах имеют явно инокультурное происхождение. Наиболее многочисленную категорию среди импортных предметов составляют вещи, имеющие восточное карасукское или лугавское происхождение. Сюда относятся: отдельные типы ножей; шилья (гвоздики); шестилепестковые бляхи; бляхи и бляшки с одной петелькой на обороте, гладкой поверхностью и насечками по краю лицевой стороны; двух и трёхъярусные бляшки; лапчатые подвески; пластинчатые щитковые перстни с двумя полушарными бляшками. В пользу их карасук-лугавского происхождения свидетельствует и то, что найдены все эти вещи в ирменских памятниках восточных районов (Кузнецкая котловина и Верхнее Приобье).

Часть бронзовых ножей, изготавливавшихся ирменскими бронзолитейщиками, несет в себе признаки, характерные для культур Среднего Енисея. Это согласуется с выводами специалистов, установивших, что сплавы ирменского металла из большинства памятников Кузнецкой котловины и Верхнеобского региона были ориентированы на сырьё из Саянских горно-металлургических центров. Этот факт исследователи объясняют активизацией взаимодействия андронидных культур этого региона с карасукской, включая миграцию населения последней на запад [19, с. 72–75; 20, с. 9–12; 21, с. 71–72].

Карасукский и лугавский импорт, включая и бронзовые ножи разных типов, попадал через Ачинско-Мариинскую лесостепь в Кузнецкую котловину, Притомье и Верхнее Приобье. Так, с карасукским влиянием связывается изготовление ирменцами ножей с наверхшиями в форме кольца, хотя стоит отметить, что такие наверхшия бытовали в эпоху поздней бронзы и на других территориях. Подтверждением этого влияния являются импортные карасукские дугообразнообушковые ножи, обнаруженные на территории Верхнего Приобья близ сел Ордынское, Кирза, Камышенка, Верх-Озёрное, а также происходящие из материалов поселений Ельцовское-II и Еловское [22, рис. 1.-1; 8, табл. 26.-3, 5, 15; 14, рис. 15.-3; 23, рис. 1.-1; 24, рис. 1.-1, 2; 25, рис. 114.-29, 31]. Некоторые из этих экземпляров имеют наверхшие в форме кольца.

Свидетельством именно карасукского влияния является и тот факт, что ножи с наверхшием в форме кольца преимущественно происходят из комплексов восточных районов распространения ирменской культурно-исторической общности. Всего в ирменских погребально-поминальных комплексах известно 12 таких ножей. Восемь из них происходят из могильников Кузнецкой котловины (Журавлёво-I, III, IV, Танай-VII, Шабаново-IV) [26, рис. 4.-12; 25.-10; 39.-1, 17, 18; 10, рис. 9.-1; 27, рис. 1.-2; 28, рис. 23.-4]. Сюда же можно отнести фрагмент литой формы, предназначенной для отливки ножей с кольцом, обнаруженный в могильнике Танай-VII [29, табл. I]. Остальные четыре экземпляра обнаружены в некрополях Верхнеобского

региона – три из могильников Алтайского Приобья (Новотроицк-I, Телеутский Взвоз-I) и один из Томского Приобья (ЕК-II) [30, рис. 37.-2; 39.-4; 31, рис. 2.-1; 12, рис. 16.-2]. Ножи с навершием в форме кольца есть и на ирменских поселениях Кузнецкой котловины (Изылы-I, Куделька-II), Алтайского Приобья (Чудацкая Гора), Новосибирского Приобья (Улыбино, Быстровка-IV), Нижнего Притомья (Усть-Киргизка, Осинники) и Барабы (Омь-I) [32, рис. 9.-9; 28.-23; 33, рис. 1.-7; 22, рис. 1.-3; 9, рис. 2; 12, рис. 16.-2; 8, табл. 22.-4; 34, рис. 11.-1].

Другим карасукским признаком являются дугообразные и коленчатые обушки ирменских ножей. Такие обушки известны на четырех ножах из могильников Кузнецкой котловины (Шабаново-IV, Сапогово-I, Титово) и двух экземплярах из могильников ЕК-II (ирменский) и БЕ-IX [28, рис. 7.-1; 23.-4; 17, рис. 62.-1; 11, рис. 6.-5; 12, рис. 25.-3; 35, рис. 4.-1]. Дугообразнообушковые ножи встречены и на ирменских поселениях Кузнецкой котловины (Линёво-I, Торопово-IV) и Алтайского Приобья (Фирсово-XVIII, Чудацкая Гора) [32, рис. 29.-16; 36, рис. 1.-1; 37, рис. 1.-21; 33, рис. 1.-7].

Бегазы-дандыбаевский и саргаринско-алексеевский компоненты. Барнаульские исследователи в ряде публикаций выдвинули гипотезу об участии бегазы-дандыбаевского и саргаринско-алексеевского населения Казахстана и Степного Алтая в формировании ирменской культуры [38, с. 53; 39, с. 47; 40, с. 111–115; 41, с. 138–142; 42, с. 53–56; 43, с. 81–92].

Это участие подтверждается, по мнению целого ряда исследователей, следующими фактами. Во-первых, значительным сходством хозяйственно-культурного типа данных культурных образований; во-вторых, наличием в Верхнем Приобье приемов земледелия и злаковых культур, попавших на эту территорию через Казахстан из Средней Азии [44, с. 98–99; 41, с. 138–142]; в-третьих, андронидным геометризмом на ирменской посуде, вероятно, позаимствованным у бегазинцев [42, с. 53–56; 43, с. 81–92]; в-четвертых, наличием керамики с валиками и воротничками и отдельных предметов в материалах погребений, а также зольников и жилищ поселений Верхнего Приобья (Фирсово-XIV, Фирсово-XVIII, Цыганкова Сопка-I, Казённая Заимка, Заковряшино-I, Чингис-I, Быстровка-IV) [45, с. 50–52; 46, с. 162; 47, с. 458–459]; в-пятых, сходством планиграфических особенностей ирменских и саргаринских поселений, конструкции жилищ и отдельных находок [48, с. 124; 49, с. 267–268].

Южные и юго-западные связи ирменского населения нашли отражение в бронзолитейном производстве. В.В. Бобров, проанализировав химический состав ирменского металла из различных районов юга Западной Сибири, сделал вывод, что металл из

памятников Барабы и Прииртышья, а также отдельных памятников Алтайского Приобья (Камышенка) был явно ориентирован на горно-металлургические центры Рудного Алтая и Казахстана [20, с. 11]. Это подтверждается наличием в материалах именно этих памятников предметов сопроводительного инвентаря, имеющих казахстанское и среднеазиатское происхождение. Так, степное происхождение имеет черешковый кинжал с клинком пламевидной формы, ромбовидный в сечении и с кольцевым упором на месте перекрестья. Он происходит с территории Барабинской лесостепи из ирменского могильника Преображенка-III (50, рис. 63.-5) и относится к так называемым кинжалам киммерийского типа, характерным для памятников позднебронзовых культур Казахстана, Средней Азии и Волго-Камья. Целый комплекс предметов из погребений североалтайского могильника Камышенка (бронзовое зеркало, аргиллитовые, сердоликовые, лазуритовые и стеклянные бусы) находят аналогии только в среднеазиатских материалах [51, с. 100–108].

Однако собственно «импортных» казахстанских и среднеазиатских предметов в ирменских комплексах не так и много. В основном все они происходят из ирменских памятников, расположенных в зоне контакта с территорией проживания бегазы-дандыбаевского и саргаринско-алексеевского населения (Барнаульско-Бийское Приобье, Бараба, Омское Прииртышье). Тем не менее южное влияние проявилось, по нашему мнению, гораздо шире и в той или иной мере касается большинства ирменских памятников. В бронзолитейном производстве это влияние нашло отражение в традиции изготовления ножей с прямым обушком, дугообразно завершающимся к лезвию. Этот тип изделий характеризуется плавным, округлым завершением обуха к лезвию. Эти признаки характерны для большинства ирменских ножей, происходящих как из погребально-поминальных, так и поселенческих комплексов Кузнецкой котловины, Верхнего Приобья, Барабы и Омского Прииртышья. Вероятно, их происхождение следует связывать с ножами так называемого казахстанского типа, для которых и был характерен такой вариант соединения обуха с лезвием. Ножи с такими признаками фиксируются уже в материалах андронидных еловской и корчажкинской культур [7, рис. 416.-11; 16, рис. 1.-1].

Со степным казахстанским влиянием следует связывать и происхождение ирменских ножей с округлым плоским навершием и отверстием в нем. Не исключено, что такие навершия могли имитировать кольца. Насчитывается три экземпляра, которые происходят из могильников Кузнецкой котловины (Сапогово-I), Новосибирского (Ордынское-I) и Барнаульского Приобья (Староалейка-II) [17, рис. 37.-1; 8, табл. 25.-4; 52, рис. 1.-9]. Близок к ним и нож с территории Кузнецкой котловины из могильника Танай-VII, имеющий

небольшое отверстие в верхней части рукоятки и три отверстия в навершии [27, рис. 1.-7].

Ножи с отверстиями в навершии или верхней части рукоятки типичны именно для памятников саргаринско-алексеевской культуры. Ножи с аналогичными навершиями обнаруживаются как в материалах поселений, так и среди случайных находок, происходящих с территории Кулунды и Восточного Казахстана [53, рис. 2.-6; 54, рис. 3.-1; 55, рис. 1.-3]. Характерны подобные навершия и для ножей «казахстанского» типа, происходящих из материалов памятников эпохи поздней бронзы Западной Сибири [15, рис. 1.-6, 8]. Это, однако, не исключает нахождения таких ножей и на других территориях. Нож с аналогичным оформлением навершия известен также на территории Минусинских котловин в лугавском могильнике Фёдоров Улус [56, табл. 30.-33]. Такая форма оформления навершия сохраняется и в переходное время от бронзы к железу, встречаясь на ножах из Барнаульско-Бийского Приобья (Бобровский могильник, случайная находка из Быстроистокского района) и Минусы (могильник баиновского этапа тагарской культуры Минусинск-1) [57, рис. 4.-2; 58, рис. 1.-13; 56, табл. 37.-45].

Степное казахстанское происхождение имеют, вероятно, и простые пластинчатые ножи без выраженной рукоятки и навершия, имеющие небольшое отверстие округлой или овальной формы в верхней части рукоятки. Стоит отметить, что в ирменских комплексах ножи данного типа встречены пока только на территории Верхнего Приобья. Всего насчитывается девять экземпляров из ирменских могильников Еловский-II, Ближние Елбаны-IV, Ближние Елбаны-IX, Плотинная-I и Камышенка [12, рис. 24.-5; 14, табл. V.-25; рис. 7.-27, 28; 35, рис. 4.-1, 11; 15, рис. 2.-8; 3.-12-15]. Аналогичные ножи известны из материалов ирменского поселения Ирмень-I, сборов на Ближних Елбанах и близ с. Шипуново в Алтайском Приобье [8, табл. 13.-1; 59, рис. 1.-1, 2; 60, рис. 1.-1]. Ножи данного типа появились на территории Верхнего Приобья еще в предырменский период. Один из них зафиксирован в еловской части могильника ЕК-II [7, рис. 416.-12]. Можно предположить, что традиция изготовления подобных ножей появилась в среде степных культур, что подтверждается находкой подобного экземпляра в материалах поселения саргаринско-алексеевской культуры Степной Кулунды Чекановский Лог-I [61, рис. 1.-1]. Следует обратить внимание и на сходство отдельных ножей данного типа и серпов, известных в материалах саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской культур [62, рис. 27.-15; 63, табл. 2.-3; 58, рис. 6.-5].

Проникновение на территорию юга Западной Сибири предметов импорта, связанных с бронзолитейными традициями бегазы-дандыбаевской, саргаринско-алексеевской, карасукской и лугавской культур, отмечается еще в доирменскую эпоху. Вероятно,

«казахстанские» и «минусинские» вещи, фиксируемые в еловских, а позднее ирменских комплексах юга Западной Сибири, указывают на имевшиеся в древности торгово-экономические контакты населения этих двух регионов Евразии.

Сложность заключается и в том, что аналогии многим предметам из ирменских комплексов известны как в андроновидных памятниках юга Западной Сибири, так и в материалах карасукской и лугавской культур Минусинских котловин и степных культур Казахстана и Кулунды (бегазы-дандыбаевской и саргаринско-алексеевской). Данные культурные образования существовали на разных территориях и не имели общих границ. Их разделяли лесостепные пространства Верхнего Приобья, Кузнецкой котловины и Ачинско-Маринской лесостепи. Естественными препятствиями являлись горные системы Кузнецко-Алтайской области Алтайско-Саянской физико-географической страны (Горный Алтай, Горная Шория, Салаирский кряж, Кузнецкий Алатау). Вероятно, данный факт можно объяснить, во-первых, общей андроновской основой, на которой сложились эти различные культурные образования; во-вторых, интенсивными контактами между ними, носившими торгово-экономический характер; в-третьих, миграционными процессами. Так, миграция бегазы-дандыбаевского населения на территорию юга Западной Сибири засвидетельствована по материалам памятников Кулунды [43, с. 81-92] и Барабы [64, с. 287]. Отдельные бегазы-дандыбаевские артефакты отмечаются и на территории Верхнего Приобья.

Еще более масштабным было проникновение на юг Западной Сибири саргаринско-алексеевского населения, чье влияние ощущается по материалам памятников Омского Прииртышья, Барабы [15, с. 75-84], Верхнего Приобья [48, с. 124; 45, с. 50-52; 47, с. 458-460] и даже Кузнецкой котловины [49, с. 267-268; 65, с. 24]. С миграцией групп саргаринско-алексеевского населения на территорию Среднего Енисея связывают И.П. Лазаретов и А.В. Поляков появление в материалах хронологического этапа I-б карасукской культуры погребений с «атипичной» керамикой [66, с. 38, 51]. Вместе с тем казахстанские исследователи выделяют в материалах памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана отдельные сосуды, близкие к еловским, ирменским и карасукским [62, с. 57-58]. Это свидетельствует об имевшихся в эпоху поздней бронзы активных контактах населения Казахстана, юга Западной Сибири и Среднеенисейского региона.

Территория юга Западной Сибири, вероятно, выполняла роль контактной зоны между этими культурными образованиями, являясь для них одновременно и «рынком сбыта», и своего рода «варварской периферией». Это объясняет тот факт, что «импортные» предметы часто обнаруживаются в материалах

могильников и поселений юга Западной Сибири. И, вместе с тем, еловские и ирменские изделия редко фиксируются на территориях Среднеенисейского региона и казахстанских степей. Это, по нашему мнению, косвенно указывает на однонаправленность культурных и экономических связей в эпоху поздней бронзы. Наличие карасукских, бегазинских и саргаринских «артефактов» в еловских памятниках может указывать как на имевшую место инфильтрацию инокультурного населения в еловскую среду, так и на активизацию торгово-экономических контактов на рубеже формирования ирменской культурно-исторической общности. В ирменскую эпоху мы сталкиваемся уже, как правило, с трансформированными, переработанными в местной среде «варваризированными» изделиями, в которых можно проследить их инокультурные прототипы.

А.Б. Шамшин выделяет на территории Кулунды и Верхнего Приобья крупные хозяйственно-культурные центры, служившие в числе прочего и пунктами транзитной караванной торговли, связывающими

Среднюю Азию и Казахстан с югом Западной Сибири [67, с. 153–154]. Вероятно, транзитные торговые пути проходили и через территории Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи с выходом в регион Среднего Енисея. Подтверждением этому являются находки кинжалов из могильника Танай-VII и поселения Люскус-I, имеющих аналогии в памятниках эпохи поздней бронзы Восточной Европы [27, с. 419–425; 68, с. 29], а также более многочисленные карасукские изделия, фиксируемые в материалах ирменских памятников Кузнецкой котловины и Верхнего Приобья.

Эти факты согласуются с точкой зрения, высказанной Д.В. Папиным и А.С. Федорук, о том, что территория степного Обь-Иртышья являлась контактной зоной двух культурных традиций, тяготеющих, с одной стороны, к степным пространствам Казахстана и Средней Азии, с другой – к металлургическим центрам Минусинской котловины. Это, по мнению исследователей, нашло отражение и в технологических традициях бронзолитейного производства [54, с. 100–101].

Библиографический список

1. Дрёмов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск, 1997.
2. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул, 1987.
3. Тур С.С., Фролов Я.В. Основные результаты комплексного анализа материалов погребальных памятников Верхнего Приобья переходного от бронзы к железу времени в свете проблем происхождения Большереченской культуры // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. – Барнаул, 2001.
4. Комарова М.Н. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. – 1952. – №24.
5. Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на северном Алтае // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975.
6. Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть первая. Еловский I курганный могильник. – Омск, 2001.
7. Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск, 2004.
8. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск, 1993.
9. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. – Вып. 12. – Томск, 1974.
10. Бобров В.В. Охранные раскопки могильника поздней бронзы Журавлёво-1 // Археология, антропология, этнография Сибири. – Барнаул, 1996.
11. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инге // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск, 1981.
12. Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть третья. Еловский II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века. – Омск, 2006.
13. Матющенко, В.И. Могильник эпохи поздней бронзы у деревни Иштан на Оби // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул, 1984.
14. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка // Материалы и исследования по археологии. – 1956. – №48.
15. Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М., 1994.
16. Бобров В.В. Комплекс бронзолитейного производства из поселения Танай-4 (по результатам раскопок 1993 г.) // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск, 1995.
17. Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ села Сапогово // Труды ККАЭЭ. – Кемерово, 1996. – Т. 1.
18. Федорук А.С., Шамшин А.Б., Папин Д.В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул, 2008.
19. Бобров В.В. Бронзолитейное производство в системе экономики обществ поздней бронзы Кузнецкой котловины // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997.
20. Бобров В.В., Кузьминых С.В. Химический состав металла в аспекте локальной специфики развития ирменской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 1997.
21. Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). – Кемерово, 1997.

22. Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // *Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь*. – Вып. 4. – Новосибирск, 1974.
23. Лихачёва О.С. Предметы вооружения и быта из археологических коллекций Верхозёрнинского музея Быстроистокского района Алтайского края // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. – Вып. XVI. – Барнаул, 2007.
24. Новикова О.И. Охранные работы на поселении Ельцовское-2 (в дополнение к периодизации ирменской культуры) // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. – Вып. VIII. – Барнаул, 1997.
25. Косарев М.Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железнному // *Эпоха бронзы лесной полосы СССР*. – М., 1987.
26. Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлёво-4. – Новосибирск, 1993.
27. Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Технологические особенности изготовления бронзовых предметов могильника Танай-7 // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Т. VII. – Новосибирск, 2001.
28. Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Курганный могильник Шабаново-4 // *Вопросы археологии Северной и Центральной Азии*. – Кемерово; Гурьевск, 1998.
29. Мыльникова Л.Н., Бобров В.В., Горяев В.С. Работы на могильнике Танай-7: материалы VI годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 1998. – Т. IV.
30. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул, 2009.
31. Папин Д.В., Тишкин А.А., Грушин С.П. Продолжение исследований ирменского комплекса на памятнике Телеутский Взвоз-1 // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Т. VI. – Новосибирск, 2000.
32. Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск, 1997.
33. Папин Д.В., Шамшин А.Б. Исследование памятников эпохи поздней бронзы и переходного времени в Павловском районе // Павловский район: Очерки истории и культуры. – Барнаул; Павловск, 2000.
34. Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племён Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск, 2002.
35. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // *Погребальный обряд древних племен Алтая*. – Барнаул, 1996.
36. Ковалевский С.А. К вопросу о происхождении и территории распространения бронзовых ножей с монетовидными навершиями // *Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий*. – Барнаул, 2001.
37. Шамшин А.Б. Хроностратиграфия памятников бронзового и раннего железного веков из Фирсовского археологического микрорайона (Барнаульское Приобье) // *Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий*. – Вып. 3. – Тюмень, 2002.
38. Кирюшин Ю.Ф. О культурах бронзового века в лесостепном Алтае // *Сибирь в прошлом, настоящем и будущем*. – Новосибирск, 1981.
39. Кирюшин Ю.Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири*. – Барнаул, 1991.
40. Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульском Приобье // *Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири*. – Барнаул, 1988.
41. Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамшин А.Б. Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая // *Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири*. – Барнаул, 1988.
42. Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С. Экологические факторы и формирование культур поздней бронзы в Западной Сибири // *Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири*. – Томск, 1990.
43. Удодов В.С. О роли бегазы-дандыбаевского компонента в этнокультурных процессах эпохи поздней бронзы Западной Сибири // *Проблемы хронологии в археологии и истории*. – Барнаул, 1991.
44. Гальченко А.В., Кирюшин Ю.Ф. К вопросу о типах хозяйства в эпоху поздней бронзы в лесостепном Верхнем Приобье // *Скифская эпоха Алтая*. – Барнаул, 1986.
45. Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Валиковая керамика с поселений ирменской культуры лесостепного Алтая // *История, археология и этнография Павлодарского Прииртышья*. – Павлодар, 1999.
46. Уманский А.П., Шамшин А.Б. Комплекс бронзовых украшений ирменской культуры из с. Ильинка Шелаболихинского района // *Алтай в системе металлургических провинций бронзового века*. – Барнаул, 2006.
47. Ситников С.М. К вопросу о культурно-исторических контактах в эпоху финальной бронзы на территории Обь-Иртышского междуречья // *Современные проблемы археологии России: материалы Всероссийского археологического съезда*. – Новосибирск, 2006. – Т. 1.
48. Сидоров Е.А., Новикова О.И. Неопубликованные материалы поселения Милованово-3 // *Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы*. – Барнаул, 2004.
49. Бобров В.В., Умеренкова О.В. Новые источники постандроновского времени из Кузнецкой котловины (по результатам раскопок поселения Танай-4 в 1999 г.) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Т. V. – Новосибирск, 1999.
50. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985.
51. Членова Н.Л. Ирменское погребение с богатым инвентарем // *Краткие сообщения археологии Сибири, Средней Азии и Кавказа*. – Вып. 167. – М., 1981.
52. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Погребения ирменской культуры из могильника Староалейка-2 // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. – Вып. IX. – Барнаул, 1998.
53. Папин Д.В., Федорук А.С. Ножи эпохи поздней бронзы – переходного от бронзы к железу времени с территории степного Обь-Иртышья // *Алтай в системе металлургических провинций бронзового века*. – Барнаул, 2006.

54. Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Находки бронзовых предметов с территории Кулундинской степи // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул, 2006.
55. Мерц В.К. Новые находки бронзовых изделий из Павлодарского Прииртышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. XI. – Барнаул, 2000.
56. Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М., 1972.
57. Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племён Алтая. – Барнаул, 1996.
58. Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. – Барнаул, 2009.
59. Фролов Я.В., Папин Д.В. Материалы переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку из коллекции Н.С. Гуляева, собранной у с. Большая Речка в 1903 г., хранящиеся в АККМ // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1995.
60. Ширин Ю.В. Древности Алтая в музеях г. Новокузнецка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. X. – Барнаул, 1997.
61. Дёмин М.А., Ситников С.М. Археологические исследования на правом берегу Гилёвского водохранилища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. IX. – Барнаул, 1998.
62. Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 2002.
63. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992.
64. Молодин В.И. Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. IV. – Новосибирск, 1998.
65. Ковалевский С.А., Илюшин А.М. Керамический комплекс эпохи поздней бронзы поселения Саратовка-6 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул, 2008.
66. Лазаретов И.П., Поляков А.В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул, 2008.
67. Шамшин А.Б. Некоторые проблемы изучения памятников эпохи поздней бронзы в лесостепном и степном Обь-Иртышском междуречье // Западная и южная Сибирь в древности. – Барнаул, 2005.
68. Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1992.